

Родился я въ Бѣлгородѣ, въ Жилой слободѣ. Отецъ мой былъ отставной капралъ вѣры православной. Когда онъ умеръ, то я остался въ малыхъ лѣтахъ и по прежней ревизіи, вслѣдствіе моей слѣпоты, былъ приписанъ къ богадѣльнѣ, гдѣ жилъ, ходилъ въ церковь и содержалъ православное исповѣданіе.

Въ 1745 году въ маѣ мѣсяцѣ пошелъ я съ богадѣльными старцами въ Харьковъ для прошенія милостыни. Въ Харьковѣ въ это время происходила Троицкая ярмарка. Бѣлгородскіе старцы остановились около лавки одного торговца казака Безбородова и пропѣли, по обычаю нашему старческому, стихи. Послѣ пѣнія Безбородовъ отозвалъ меня въ сторону.

— Останься со мною, сказалъ онъ.

— Почему же? спросилъ я.

— Ты хорошо стихи поешь.

Я остался. Старцы—мои товарищи пошли въ Бѣлгородъ, а я поѣхалъ съ Безбородовымъ въ Чугуевъ, въ его домъ. Здѣсь онъ сталъ меня отвращать отъ вѣры православной.

— Нынѣ вѣра новая обстоитъ, говорилъ онъ, а надлежитъ держаться вѣры старой, еедосѣевской. Въ старину служба бывала на семи просфорахъ, а теперь брадобритцы отступили отъ старины.

Потомъ Безбородовъ отвезъ меня въ пасѣку свою, которая стоитъ въ лѣсу въ двухъ верстахъ отъ Чугуева. Здѣсь я жилъ одинъ мѣсяцъ и со мною Ѳедоръ, названный попомъ, не вѣдомо откуда, онъ меня исповѣдовалъ трижды и говорилъ, чтобы я съ правовѣрными не ѣлъ и не пилъ и ихъ чуждался. А Ѳедоръ держалъ при себѣ чернца Семена Кривого да вдову калмычку Ѳедосью, а кормилъ ихъ Безбородовъ. Нѣкоторое время спустя я тайнымъ образомъ ушелъ изъ пасѣки въ Бѣлгородъ для свиданія съ матерью своею вдовою и не доходя до Бѣлгорода свидѣлся съ раскольникѣмъ однодворцемъ и жилъ у него въ пасѣкѣ, въ Пушкарной слободѣ, а съ нимъ жилъ раскольникій учитель, который его и исповѣдалъ. Потомъ я услышалъ, что меня въ Бѣлгородѣ ищутъ за расколъ, убоясь, чтобы не поймали, убѣжалъ и хаживалъ по разнымъ городамъ...